

ДЖОН
СТЕЙНБЕК

Заблудившийся автобус

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Джон Стейнбек

Заблудившийся автобус

«ФТМ»

«АСТ»

1947

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стейнбек Д. Э.

Заблудившийся автобус / Д. Э. Стейнбек — «ФТМ», «АСТ»,
1947

ISBN 978-5-17-100306-7

Одно из лучших англоязычных произведений психологического реализма. Книга, которую критика нарекла «американским „Дон Кихотом“». Бессмертный роман, великолепно экранизированный в 1957 году. Сюжетная канва его обманчиво проста: в глуши на проселочной дороге сбился с пути и застрял обычный рейсовый автобус. Пассажиры автобуса – молодые и старые, богатые и бедные – представляют собой настолько полно и точно выписанный срез американского общества сороковых годов двадцатого столетия, что незатейливая история о «заблудившемся автобусе» превращается в яркую остросоциальную «драму характеров».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100306-7

© Стейнбек Д. Э., 1947

© ФТМ, 1947

© АСТ, 1947

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джон Стейнбек

Заблудившийся автобус

© John Steinbeck, 1947

© Copyright renewed by Elaine A. Steinbeck, Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV, 1975

© Перевод. В. Голышев, 2016

© AST Publishers, 2016

* * *

*Внемлите, судари, со тщанием
Сей притчи мудрым увещаниям
И ощутите Божий страх:
На небо смертного призвание
Есть всей земле напоминание,
Сколь преходящи мы во днях.*

Глава I

В шестидесяти семи километрах к югу от Сан-Исидро, на шоссе Север – Юг есть перекресток, восемьдесят с лишним лет назад прозванный Мятежным углом.

Здесь от шоссе под прямым углом ответвляется дорога на запад, и через семьдесят восемь километров она выходит на другое шоссе Север – Юг, соединяющее Сан-Франциско с Лос-Анджелесом и, само собой, Голливудом. Всякий, кому нужно попасть из долины в глубине штата на побережье, должен свернуть на эту дорогу, которая начинается у Мятежного угла и, попетляв между холмами, через пустыньку, через поля, через перевал выбегает на приморское шоссе прямо посреди городка Сан-Хуан-де-ла-Крус.

Мятежный угол получил свое название в 1862 году. Рассказывают, что на этом перекрестке держала кузницу семья Бленкенов. Сами Бленкены и зятья их были нищие, темные, гордые и буйные выходцы из Кентукки. Не нажив добра и мебели, они притащили с Востока что имели – свои предрассудки и свою политику. Не обзаведясь рабами, они, однако, готовы были живот положить за свободу рабства. Когда началась война, Бленкены посоветовались, не поехать ли назад через бескрайний Запад, сражаться за Конфедерацию. Но путь был длинный, в один конец они уже проехали – и решили, что больно далеко. Так в Калифорнии, склонявшейся к северянам, Угол Бленкенов с кузницей и шестьюдесятью пятью гектарами земли отложился от Союза и примкнул к Конфедерации. По рассказам, чтобы оборонять свой мятежный остров от проклятых янки, Бленкены отрыли окопы и прорезали в кузне бойницы. Янки же эти – в большинстве мексиканцы, немцы, ирландцы и китайцы – не то что не нападали на мятежников, а прямо гордились ими. Слаще Бленкенам никогда не жилось: неприятель подносил кур и яйца, а в убойную пору даже свиную колбасу, – все считали, что такую доблесть надо уважать, невзирая на убеждения. Участок получил название Мятежный угол и сохранил его по сей день.

После войны Бленкены сделались ленивыми, склочными; как всякая побежденная страна, упивались ненавистью и обидами – а потому, забывши вместе с войной и гордость, люди перестали ковать у них лошадей и направлять плуги. И то, что армии Союза не могли сделать силой оружия, сделал Первый национальный банк Сан-Исидро с помощью просроченной закладной.

Теперь, восемьдесят с лишним лет спустя, о Бленкенах помнят мало – только что они были очень гордые и очень вздорные. Участок за это время много раз менял хозяев и в конце концов влился в империю газетного короля. Кузница сторела, была отстроена, сторела снова, а то, что осталось, переоборудовали в гараж с бензоколонкой, а позже в магазин-ресторан-гараж со станцией обслуживания. Когда участок купили Хуан Чикой с женой и приобрели право на пассажирские перевозки между Мятежным углом и Сан-Хуан-де-ла-Крусом, хозяйство это стало еще и автобусной станцией. Мятежные Бленкены из-за гордости и повышенной обидчивости, которая есть признак невежества и лени, исчезли с лица земли, и никто теперь не помнит, какие они из себя были. А Мятежный угол знают хорошо и Чикоев любят.

За бензоколонками стояла маленькая закусочная, в закусочной – стойка с круглыми закрепленными табуретами и три столика, для тех, кто желал расположиться поосновательнее. Чаще они пустовали – за столиком полагалось давать чаевые хозяйке, а за стойкой нет. Позади стойки первую полку занимали булки, плюшки, пончики, вторую – консервированные супы, апельсины и бананы, третью – коробки кукурузных хлопьев, рисовых хлопьев, ячменных хлопьев и других казенных злаков. С краю за стойкой был рашпер, рядом с ним раковина, рядом с ней краники – газированной воды и пивной, рядом с ними мороженицы, а на самой стойке, между держателями для бумажных салфеток, монетными щелями проигрывателя, солонками, перечницами и соусницами, красовались под прозрачными колпаками пироги. По стенам везде, где только можно, висели календари и плакаты, изображавшие неправдоподобно

ярких девушек с налитыми грудями и без бедер: блондинки, брюнетки, рыжие – все как одна обладали этим чрезвычайным верхним устройством, и пришелец из другого мира при виде такой увлеченности художника и публики, наверно, решил бы, что мы размножаемся посредством молочных желез.

У Алисы, жены Хуана Чикоя, которая работала в этом блестящем окружении, была вислая грудь, широкие бедра, и ходила она, тяжело ступая на пятки. Алиса вовсе не завидовала ежемесячным девушкам и кока-кольным девушкам. Она никогда таких не встречала и не думала, что они вообще встречаются. Она жарила яичницы и шницели, разогревала супы из банок, разливала пиво, накладывала мороженое, к вечеру ноги гудели, и она делалась раздражительной и сварливой. А в середине дня из прически вываливалась прямая влажная прядь и лезла в глаза; сперва Алиса откидывала ее рукой, а под конец просто сдувала.

Рядом с закусочной в уцелевшей кузнице был оборудован гараж, на потолке и балках до сих пор чернела копоть старого горна, и правил здесь – между автобусными рейсами в Сан-Хуан-де-ла-Крус и обратно – Хуан Чикой. Он был хороший, спокойный человек, Хуан Чикой, полуирландец-полумексиканец, лет пятидесяти, с ясными глазами, густыми волосами и красивым смуглым лицом. Жена любила его безумно – и побаивалась, потому что он был мужчина, а их, Алиса обнаружила, не так уж много. Каждый рано или поздно обнаруживает, что мужчин на свете не так уж много.

В гараже Хуан латал проколотые шины, выгонял воздушные пробки из бензопроводов, вычищал наждачно твердую пыль из карбюраторов, менял диафрагмы чахоточных бензонасосов, делал всякий мелкий ремонт, о котором моторизованная публика знать не знает. Не занимался он починками только с половины одиннадцатого до четырех. В это время он вез на автобусе в Сан-Хуан-де-ла-Крус пассажиров, которых высаживали на Мятежном углу большие автобусы компании «Борзая», и возвращался обратно с людьми, которых забирали «борзые» – либо в 4.46 на север, либо в 5.17 на юг.

Пока Хуан Чикой был в рейсе, обязанности механика исполнял очередной мальчишка-переросток или безусый юнец – более или менее «ученик». Ни один из них не задерживался надолго. Доверчивый клиент и вообразить не мог, какие разрушения способен причинить такой подручный его карбюратору, и хотя сам Хуан был первоклассным механиком, в учениках у него обыкновенно ходили дерзкие подростки, которые проводили досуг, запихивая железные плашки в щель проигрывателя-автомата или вяло переругиваясь с Алисой. Этих юнцов все манила куда-то удача, увлекая все дальше на юг, к Лос-Анджелесу и опять же Голливуду, где в конце концов соберутся юнцы со всего света.

За гаражом были две кабинки, увитые плющом: одна «Мужчины», другая «Дамы». К каждой вела своя дорожка: одна по левую руку от гаража, другая по правую руку от гаража.

Выделялся Угол и заметен был среди распаханых полей благодаря большим дубам, окружавшим гараж и закусочную. Высокие и стройные, с черными стволами и сучьями, ярко-зеленые летом и черные, унылые зимой, эти деревья стояли как вехи в плоской длинной долине. Никто не знает, Бленкены их посадили или же, наоборот, сами осели возле них. Последнее вероятней: во-первых, Бленкены отродясь не сажали того, чего нельзя съесть, а во-вторых, деревьям с виду было больше восьмидесяти пяти лет. Может быть, даже лет двести; впрочем, возможно, что их корни питались от какого-то подземного ключа, почему дубы и выросли такими сильными посреди полупустынных мест.

Летом эти большие деревья бросали на станцию тень, и проезжие часто останавливались под ними перекусить и остудить перегретые моторы. Да и сама станция была уютна: весело окрашенная в красный и зеленый цвет, с широкой грядкой гераней вокруг ресторана, красных гераней в густо-зеленой листве, плотной, как живая изгородь. Белый гравий перед бензоколонками каждый день продирали граблями и поливали. В ресторане и гараже царили система и порядок. Например, на полках в ресторане банки с супом, коробки с хлопьями и даже грепп-

фрукты располагались в пирамидках: четыре в нижнем ряду, потом три, потом две и одна на верхушке. Так же и банки с маслом в гараже; а вентиляторные ремни были развешаны на гвоздях по ранжиру. Станцию содержали в аккуратности. Окна ресторана были забраны сетками от мух, а дверь с сеткой мощно захлопывалась за каждым входящим и выходящим. Потому что мух Алиса Чикой ненавидела. В мире, и без того трудно переносимом и малопонятном, мухи были для нее совсем уже гадостным испытанием. Алиса ненавидела их жестоко, и смерть насекомого под мухобойкой или медленное удушение на липучке доставляли ей жгучую радость.

Подобно тому как через гараж Хуана вереницей проходили ученики, в закусочной у Алисы мелькали молодые помощницы. Девушки эти, недотепистые, мечтательные, серенькие, – которые поинтереснее обыкновенно отбывали через несколько дней с клиентом, – по части работы не отличались. Они развозили мокрой тряпкой грязь, грезили над голливудскими журналами, вздыхали в проигрыватель, а у последней краснели глаза, не проходил насморк, и она писала длинные страстные письма Кларку Гейблу. Всех их Алиса подзревала в том, что они выпускают мух. Не раз доставалось за мух и последней девушке – Норме.

По утрам распорядок на Мятжном углу был неизменный. С рассветом, а зимой и того раньше, в закусочной зажигалась лампа, и Алиса включала кофеварку (громадное идолоподобное серебряное сооружение, которое у археологов грядущей эпохи будет значиться как предмет культа амельканов, расы, предшествовавшей атомитам, которые по неизвестной причине исчезли с лица земли). Первыми заезжали завтракать усталые шоферы грузовиков, и к этому времени в закусочной уже было тепло и уютно. Потом являлись коммивояжеры, спешившие затемно к большим городам Юга, чтобы сохранить для дела целый день. Коммивояжеры всегда следили за грузовиками и останавливались там же, потому что шоферы грузовиков считаются большими знатоками придорожной пищи и кофе. С восходом солнца подруливали первые туристы – поесть и расспросить о дороге.

Туристы с севера мало интересовали Норму, зато кто ехал с юга или через Сан-Хуан-дела-Крус, то есть мог побывать в Голливуде, – эти ее просто притягивали. За четыре месяца Норма встретила пятнадцать человек, лично побывавших в Голливуде, пятеро из них побывали на студии, а двое видели живого Кларка Гейбла. Вдохновленная этими двоими, появившимися сразу друг за другом, она написала письмо на двенадцати страницах, которое начиналось словами «Дорогой мистер Гейбл» и заканчивалось «Любящий Друг». От мысли, что мистер Гейбл вдруг узнает, кто написал письмо, ее бросало в дрожь.

Норма была верной девушкой. Пусть другие, ветреницы, бегают за выскочками синатрами, ван джонсонами, сонни тафтсами. Даже в войну, когда фильмов с Гейблом не выходило, Норма оставалась ему верна, освежая свою мечту цветной карточкой мистера Гейбла в летном обмундировании с пулеметными лентами крест-накрест.

Она часто насмеялась над сонни тафтсами. Ей нравились мужчины постарше, с интересными лицами. Бывало, когда она возила мокрой тряпкой взад-вперед по стойке, мечтательно расширившиеся глаза ее останавливались на сетчатой двери – и сужались светлые глаза, и закрывались на секунду. Это надо было понимать так, что в тайный вертоград ее мечты через сетчатую дверь вошел Кларк Гейбл и ахнул при виде ее и застыл с приоткрытым ртом, признавши в ней свою суженую. А мимо него влетали и вылетали невозбранно мухи.

Дальше этого у них не заходило. Норма была робка. А кроме того, не знала, как это делается. Вся ее любовная жизнь состояла из нескольких борцовских схваток на заднем сиденье машины, причем ее целью было сохранить на себе одежду. До сих пор она побеждала просто за счет целеустремленности. Она была уверена, что мистер Гейбл не только не позволит себе ничего подобного, но и, услышав о таком, не одобрит.

Норма носила нелиняющие платья – гордость торговой фирмы «Национальные долларовые магазины». Но конечно, у нее было и выходное, сатиновое, платье. Хотя если приглядеться, то и в нелиняющих есть своя прелесть. Мексиканскую серебряную брошку, изображающую

ацтекский календарный камень, ей завещала тетка, за которой Норма ухаживала семь месяцев и на самом деле хотела котиковую накидку и кольцо с речным жемчугом и бирюзой. Но они отошли другой родне. А еще, от матери, Норме осталась нитка мелких янтарных бус. Норма никогда не надевала бусы вместе с мексиканской брошкой. Кроме этого у нее были еще две драгоценности, совершенно ослепительные, – и Норма знала, что они ослепительные. На дне чемодана у нее лежали золоченое обручальное кольцо и перстень с громадным бриллиантом типа бразильского, оба – за пять долларов. Она надевала их только в постель. Утром снимала и прятала в чемодан. Об их существовании не знала ни одна живая душа на свете. Засыпая, Норма вертела их на среднем пальце левой руки.

Планировка спален на Мятежном углу была простая. Жилье было пристроено к закусочной сзади. Дверь у края стойки открывалась в спальню-гостиную Чикоев, где стояли двухспальная кровать под вязаным покрывалом, консольный приемник, пара мягких кресел, диван (все это называлось «гарнитур») и металлическая лампа под зелено-мраморным стеклянным абажуром. Отсюда вела дверь в комнату Нормы, ибо Алиса придерживалась теории, что за девушками нужен глаз и нельзя давать им волю. Чтобы попасть в ванную, Норме надо было пройти через комнату Чикоев или же лезть через окно, как она обычно и поступала. Подручный механика жил в комнате по другую сторону от хозяйской спальни, но имел отдельный выход и пользовался увитой плющом кабинкой позади гаража.

В общем, это был складный архитектурный ансамбль, и удобный, и симпатичный. Во времена Бленкенов Мятежный угол представлял собой место грязное, неприглядное и подозрительное – Чикои же здесь процветали. Были и деньги в банке, и в какой-то степени чувство уверенности, и счастье.

Этот островок, осененный рослыми деревьями, был виден за много километров. Чтобы найти Мятежный угол и дорогу на Сан-Хуан-де-ла-Крус, никто не нуждался в дорожных указателях. В просторной долине хлеба расстилались до подножия высоких гор на востоке, а в западную сторону не так далеко – до округлых холмов, где на черных лысынах стояли вечно-зеленые дубы. Летом холмы плыли, томились, пеклись в желтом зное, и Мятежный угол под сенью высоких деревьев был местом заманчивым и запоминающимся. Зимой, в проливные дожди, закусочная сулила тепло, бобы под острым соусом и кофе.

В разгар весны, когда зеленела трава в полях и предгорьях, когда люпин и маки одевали землю в лазурь и золото, когда пробуждались большие деревья с желто-зеленой молодой листвой, милее места не было на свете. Такую красоту не перестаешь замечать, даже когда она привычна. От нее сжимает горло утром и сладко теснит под ложечкой, когда заходит солнце. От аромата люпина и трав дышишь быстро и шумно, почти сладострастно. В такую-то пору цветения и роста, еще до зари, и вышел с электрическим фонарем к автобусу Хуан Чикой. Его подручный Прыщ Карсон сонно плелся за ним.

Окна закусочной еще были темны. Над восточными холмами даже не серело. Было еще далеко до рассвета. И совы ухали над полями. Хуан подошел к автобусу, стоявшему перед гаражом. При свете фонаря он был похож на длинный аэростат с серебряными окнами. Прыщ Карсон, не проснувшись как следует, стоял, руки в карманах, и вздрагивал – не от холода, а со сна.

Ветерок потянул над полями и принес запах люпина и запах земли, очнувшейся и неистово производящей.

Глава II

Фонарь с мелким, обращенным вниз отражателем ярко освещал только ноги, ботинки, шины и комли дубов. Он нырял и качался, и бело-голубой пузырек лампочки ослепительно сиял. Хуан подошел с фонарем к гаражу, вынул из комбинезона связку ключей, нашел ключ от висячего замка и отомкнул ворота. Внутри зажег верхний свет и выключил фонарь.

Он взял с верстака полосатую рабочую кепку. На нем был комбинезон с большими латунными пуговицами на нагруднике и боковых застежках, а сверху – черная куртка из конской кожи с черными вязаными манжетами и воротом. Туфли у него были круглоносые и жесткие, и подошва такая толстая, что казалась надутой. В старом шраме на щеке возле большого носа залегла тень. Он сгреб пятерней густые черные волосы и заправил под кепку. Руки у него были широкие и сильные, с тупыми пальцами, ногти плоские от работы, свилеватые, в бороздках от ушибов и повреждений. На среднем пальце левой руки не хватало фаланги, и он грибком утолщался к концу. Утолщение было другой фактуры, чем остальной палец, лоснилось, как будто хотело сойти за ноготь, и на этом пальце Хуан носил широкое обручальное кольцо, как будто решил: не годишься для работы, так послужи хоть для украшения.

Из кармана в нагруднике торчали карандаш, линейка и шинный манометр. Брился Хуан только вчера, и щетина на горле и по сторонам подбородка была беловатая и седоватая, как у старого эрделя. Это бросалось в глаза, потому что в остальном борода была черная как смоль. Черные глаза насмешливо щурились – вроде того, как щурятся от дыма, когда нельзя вынуть изо рта сигарету. А губы у Хуана были полные и добрые – спокойные губы: нижняя слегка выдавалась, но не брюзгливо, а с юмором и уверенностью; верхнюю, хорошо очерченную, прорезал чуть слева глубокий шрам, почти белый на розовом. Видно, когда-то ее рассекло насквозь, и теперь тугой белый шнурок стягивал полную губу, так что она набегала на шрам двумя крохотными складочками. Уши у него были не очень большие, но торчали как ракушки или как если бы их оттопырили руками, к чему-то прислушиваясь. И Хуан, казалось, все время к чему-то прислушивается, причем глаза его смеются над услышанным, а рот не совсем одобряет. Движения у него были уверенные, даже тогда, когда его занятие уверенности не требовало. Ходил он так, как будто шел в точно определенное место. Руки двигались быстро и четко и никогда не баловались со спичками или ногтями. Зубы у Хуана были длинные и с золотом по кромкам, что придавало его улыбке некоторую свирепость.

Возле верстака он снял с гвоздей инструменты и уложил в длинный плоский ящик – ключи, пассатижи, несколько отверток, молоток и бородок. Рядом с ним Прыщ Карсон, налитый сном, облокотился на масляную доску верстака. На нем были рваный свитер мотоклуба и тулья фетровой шляпы, обрезанная по краю зубчиками. Прыщ был длинный узкоплечий малый семнадцати лет, с тонкой талией и длинным лисьим носом; глаза у него по утрам казались совсем светлыми, а днем становились оливковыми. На щеках золотился пух, а сами щеки были изрыты, изъедены и распаханы прыщами. Между старых воронок торчали новые образования, зреющие и убывающие. Кожа блестела от снадобий, которые прописываются при таких страданиях и не помогают ни на грош.

Синие джинсы на Прыще были тесные и настолько длинные, что низки он подвернул сантиметров на двадцать пять. На узких его боках штаны удерживались широким, богато тисненным ремнем с толстой гравированной серебряной пряжкой, в которой сидело четыре бирюзы. Прыщ старался не давать рукам воли, но пальцы самочинно тянулись к изрытым щекам, и, поймав себя на этом, он опять опускал руки. Он писал всем фирмам, предлагавшим лекарства от прыщей, и ходил по врачам, которые знали, что вылечить не могут, но знали также, что скорее всего это пройдет через несколько лет само по себе. Тем не менее они прописывали ему мази и примочки, а один посадил его на овощную диету.

Глаза у него были узкие и с косым разрезом, как у сонного волка; сейчас, ранним утром, они совсем слиплись от гноя. Прыщ был редкостный соня. Будь на то его воля, он спал бы чуть ли не круглые сутки. Весь его организм и душа были полем жестокой битвы, которая зовется юностью. Вожделения в нем не затихали, и когда они не были прямо и явно половыми, то выливались в меланхолию, глубокую и слезливую чувствительность или крепкую, с душком, религиозность. В уме его и чувствах, как на лице, все время шла вулканическая работа, все время саднило и свербело. У него бывали приступы неистовой праведности, когда он убивался из-за своих пороков, вслед за чем впадал в меланхолическую лень, близкую к прострации; уныние сменялось спячкой. После он долго еще ходил как в дурмане, вялый и обалделый.

В это утро он надел свои коричнево-белые, с дырочками, полуботинки на босу ногу, и из-под завернутых штанин выглядывали лодыжки в разводах грязи. В периоды упадка Прыщ до того обессилевал, что совсем не мылся и даже ел плохо. Фетровая туля с аккуратными зубчиками служила не так для красоты, как для того, чтобы длинные каштановые волосы не лезли в глаза и не маслялись, когда он работал под машиной. Сейчас он стоял, бессмысленно глядя на Хуана, складывавшего инструменты в ящик, и ум его ворочался в громадных байковых одеялах сна, тяжких до тошноты. Хуан сказал:

– Включи лампу на длинном шнуре. Давай, Прыщ. Давай, давай, просыпайся!

Прыщ встряхнулся, как собака.

– Что-то никак не могу очухаться, – объяснил он.

– Лампу отнеси туда и тащи мою доску. Надо двигаться.

Прыщ взял переносную лампу в защитной сетке и стал сматывать с ручки тяжелый резиновый шнур. Потом включил его в розетку возле двери, и свет плеснул. Хуан поднял ящик с инструментами, шагнул за дверь и взглянул на темное небо. Воздух переменялся. Ветерок колыхал молодые дубовые листья, шнырял между гераней – нерешительный влажный ветерок. Хуан принюхивался к нему, как принюхиваются к цветку.

– Если опять дождь, – сказал он, – ей-богу, это лишнее.

На востоке посветлело, стали обозначаться вершины гор. Подошел Прыщ с переносной лампой, разматывая за собой резиновый шнур. Большие деревья выступили навстречу свету, и он заблестел на желтоватой зелени молодых листиков. Прыщ отнес лампу к автобусу и вернулся в гараж за длинной доской на роликах, которая позволяла передвигаться, лежа под машиной. Он кинул доску около автобуса.

– Да, похоже, натягивает, – сказал он. – Так ведь весной в Калифорнии, считай, всегда дожди.

Хуан сказал:

– Против весны я ничего не имею, но шестеренка у нас полетела, а пассажиры ждут, а земля от дождей раскисла...

– Для урожая – хорошо, – заметил Прыщ.

Хуан умолк и оглянулся на помощника. От глаз у него разбежались веселые морщинки.

– Это точно, – сказал он, – точно.

Прыщ застенчиво отвернулся.

Автобус теперь освещала переносная лампа, и выглядел он непривычно и беспомощно, потому что там, где полагалось быть задним колесам, стояла пара тяжелых дровяных козел, и держал его не задний мост, а брус 10 × 10 сантиметров, положенный на козлы.

Это был старый автобус, на нем стоял четырехцилиндровый мотор с низкой степенью сжатия и специальная коробка скоростей с пятью передними передачами вместо трех, причем две – меньше нормальной первой, и двумя задними. Несмотря на толстый слой свежей серебрянки, на выпуклых бортах ясно проступали все бугры и вмятины, царапины и шрамы долгой и тяжелой службы. Почему-то от кустарной окраски старый автомобиль выглядит еще древнее и потасканнее, чем если бы ему предоставили честно приходить в упадок.

Внутри автобус тоже ремонтировали. Сиденья, некогда плетеные, были обиты красным дерматином, и хотя работа была аккуратная, она была непрофессиональная. В салоне стоял кисловатый душок дерматина и откровенный, назойливый запах бензина и масла. Это был старый, старый автобус, переживший много поездок и много трудностей. Дубовые планки пола были сточены и вытерты подошвами пассажиров. Борта были помятые и выправленные. Окна не открывались, потому что весь кузов слегка перекосило, и летом Хуан выставлял окна, а на зиму вставлял опять.

Кресло водителя протерлось до пружин, но на протертом месте лежала цветастая ситцевая подушка двоякого назначения – оберегать водителя и прижимать голые пружины. На ветровом стекле висели талисманы: детский башмачок – для охраны, потому что неверные ножки младенца требуют постоянной осмотрительности и Божьего попечения, и крошечная боксерская перчатка – это для силы, силы кулака на брошенном вперед предплечье, силы поршня, толкающего шатун, силы человека как ответственной и гордой личности. Еще на ветровом стекле висела пухленькая целлулоидная куколка в вишнево-зеленом головном уборе из страховых перьев и соблазнительном саронге. Она была для радостей плоти, глаза, слуха, обоняния. На ходу игрушки крутились, качались и прыгали перед глазами водителя. Там, где ветровое стекло делила пополам средняя стойка, на приборной доске расположилась маленькая металлическая, ярко раскрашенная Дева Гвадалупская. Лучи от нее шли золотые, одежды на ней были лазоревые, и стояла она на молодом месяце, который держали херувимы. Она олицетворяла связь Хуана с вечностью. К церковной и догматической стороне религии это имело мало касательства, а больше – к религии как памяти и чувству. Смуглая Дева напоминала Хуану и о матери, и о темном домике, где мать, говорившая по-испански с легким ирландским акцентом, его вырастила. Потому что Деву Гвадалупскую мать выбрала своей личной богиней. Отставку получили св. Патрик и св. Бригита и десять тысяч бледных северных дев, на их место вошла эта смуглая, с настоящей кровью в жилах, близкая к людям.

Мать преклонялась перед своей Девой, чей день отмечают лопающимися в небе ракетами, а отец Хуана, мексиканец, понятно, не видел тут ничего особенного. Естественно, что в дни святых пускают ракеты. Как же иначе? Взлетающая с треском трубка – это, понятно, душа возносится в небо, а гремучая вспышка вверх – это торжественный вход в тронный зал Небес. Хуан Чикой, хотя и не был набожным человеком, в свои пятьдесят лет не вел бы автобус с легкой душой, если бы за ним не приглядывала Гвадалупана. Религия его была практическая.

Под святой в щитке было отделение для мелочей, и там лежали револьвер «смит-и-вессон» калибра 11,43 мм, бинт, пузырек йода, флакон лавандовой нюхательной соли и непочатая пол-литровая бутылка виски. Хуан считал, что с таким снаряжением он готов почти к любой непредвиденности.

На переднем бампере автобуса когда-то была надпись, до сих пор еще различимая: «El grand Poder de Jesus» – «Великая сила Иисусова». Она осталась от прежнего владельца. Теперь же на обоих бамперах было четко выведено простое слово «Любимая». И все, кто знал автобус, знали его как «Любимую». Сейчас «Любимая» была парализована: задние колеса сняты, зад висел в воздухе, опираясь на десятисантиметровый брус, перекинутый между козлами.

Хуан держал новую коронную шестерню, катал в ней ведущую.

– Поднеси поближе свет, – сказал он Прыщу и прокатил шестеренку по всему кольцу. – Помню, раз поставил новое кольцо со старой шестерней – сразу полетело.

– Когда зуб ломается, гремит прилично, – сказал Прыщ. – Звук такой, как будто он сквозь пол в тебя летит. Как вы думаете, почему он сломался?

Хуан держал кольцевую шестерню перед собой торцом и медленно вел по ней малую, проверяя на просвет зацепление.

– Не знаю, – ответил он. – В металле и вообще в машинах много непонятного. Возьми Форда. Он выпустит сотню машин, и две или три из них – ни к черту. Не что-нибудь одно

барахлит – вся машина барахло. И рессоры, и мотор, и помпа, и вентилятор, и карбюратор. Она вся помаленьку разваливается, и никто не знает, почему так. Возьми другую машину, тоже с конвейера, – вроде такая же, как все, да не такая. В ней что-то есть, чего в других нет. В ней силы больше. Как в крепком человеке. Делай с ней что хочешь – все выдержит.

– У меня была такая, – сказал Прыщ. – «Форд-А». Я его продал. Спорить могу, он еще бегаёт. Ездил на нем три года и десяти центов на ремонт не истратил.

Хуан положил новые шестерни на подножку и поднял с земли старую. Он пальцем потрогал обломок зуба.

– Металл – хитрая вещь, – сказал он. – Иногда он как будто устает. Знаешь, у нас в Мексике люди держали по два, по три мясных ножа. Одним пользовались, а остальные втыкали в землю. Говорили: «Лезвие отдыхает». Не знаю, так ли, но эти ножи можно было заточить, как бритву. Я думаю, никто не понимает металла, даже те, кто его делает. Давай посадим шестерню. Ну-ка поднеси туда свет.

Хуан положил доску с роликами позади автобуса, лег на нее спиной и, отталкиваясь ногами, въехал под днище.

– Передвинь свет немного левее. Нет, выше. Вот. Теперь пихни мне ящик с инструментами, можешь?

Руки Хуана работали четко: масло капнуло ему на щеку. Он стер его тыльной стороной ладони.

– Поганая работенка.

Прыщ заглянул к нему под автобус.

– Может, повешу лампу тут на гайку? – спросил он.

– Да нет, через минуту надо будет перенести, – ответил Хуан.

Прыщ сказал:

– Хорошо бы вы сегодня починили. В своей кровати охота поспать. В кресле не отдыхаешь.

Хуан фыркнул:

– Ты видал, как они разозлились, когда нам пришлось вернуться из-за шестерни? Можно подумать, я нарочно это устроил. До того были злы, что и на Алису накинудись из-за пирога. Наверно, думают, она их сама печет. В дороге люди очень не любят задержек.

– Спали на наших кроватях, – заметил Прыщ. – Не понимаю, чего они разоряются. В креслах-то спали мы с вами да Алиса с Нормой. А хуже всех – эти, Причарды. Не девушка, конечно, не Милдред, а старики. Им все чего-то кажется, что их надувают. Он мне сто раз сказал, что он там президент или еще кто и он этого так не оставит. Возмутительно, говорит. А сам с женой спал на вашей кровати. Интересно, где Милдред спала? – Глаза у Прыща слегка заблестели.

– На диване, наверно, – сказал Хуан. – А может, с папой, с мамой. Который игрушками торгует, ночевал в комнате Нормы.

– Этот мне понравился, – сказал Прыщ, – он не ругался. Сказал, что с удовольствием заночует. А чем занимается, не говорил. Зато Причарды за всех пошумели – не Милдред, а старики. А знаете, куда они едут, мистер Чикой? По Мексике. Милдред учит в колледже испанский. Она им будет вместо переводчицы.

Хуан вставил шпонку и несильными ударами загнал ее до конца. Потом выбрался из-под автобуса.

– Давай собирать задний мост.

Свет просачивался в небо из-за гор. В сером и черном, бесцветная, занималась заря, и в ней белые и синие предметы стали серебряными и красными, а темно-зеленые были черны. Черны и белы были молодые листья больших дубов, и очертания гор обозначились резко.

Слабо порозовели восточные кромки тяжелых и пузатых облаков, колобками катившихся по небу.

Внезапно в закуской вспыхнул свет и вырвал из небытия грядку гераней перед домом. Хуан оглянулся на свет.

– Алиса встала, – сказал он. – Скоро кофе поспеет. Давай кончать с задним мостом.

Мужчины работали слаженно. Каждый знал, что делать. Каждый делал свое. Прыщ тоже лежал на спине, затягивал гайки на картере, и от дружной работы рождалось хорошее чувство.

Хуан напряг руку, подтягивая гайку, ключ сорвался, и он ссадил костяшку пальца. Густая черная кровь потекла по грязной руке. Он пососал ссадину, и вокруг рта осталось кольцо темного масла.

– Сильно ободрали? – спросил Прыщ.

– Да нет, это, наверно, к удаче. Без крови работу не сделаешь. Так мой отец говорил. – Он опять пососал палец; кровь шла тише.

Тепло и розовый отсвет зари исподволь разливались вокруг, и электрический свет как будто терял яркость.

– Интересно, сколько еще приедет на «борзом», – праздно полюбопытствовал Прыщ. И тут из хорошего чувства к мистеру Чикой родилась волнующая мысль. Мысль была такая пронзительная, что стало даже больно. – Мистер Чикой... – начал он с запинкой, робким, униженным, умоляющим тоном.

Хуан перестал навинчивать гайку и ждал просьбы – о выходном, о прибавке, о чем-нибудь. Просьба была неминуема. Она слышалась в голосе и для Хуана означала неприятность. Неприятности всегда так начинались.

Прыщ молчал. Он не находил слов.

– Чего ты хочешь? – осторожно спросил Хуан.

– Мистер Чикой, мы не могли бы договориться... вы не могли бы, ну... больше не звать меня Прыщом?

Хуан отнял ключ от гайки и повернул голову. Оба лежали на спине, лицом друг к другу. Хуан видел воронки от старых прыщей, набухающие бугорки и один в соку, тугой, с желтой головкой, готовый лопнуть. Хуан смотрел, и взгляд его смягчался. Он сообразил. До него вдруг дошло – и он удивился, что только сейчас, а не раньше.

– Как тебя звать? – грубо спросил он.

– Эд, – ответил Прыщ. – Эд Карсон, я дальний родственник Кита Карсона. Пока этими не пошел, меня в школе звали Китом. – Голос был намеренно ровный, но грудь его тяжело подымалась, и он сопел носом.

Хуан отвернулся и снова взглянул на массивный шар дифференциала.

– Ладно, – сказал он, – давай ставить домкраты. – Он выехал из-под автобуса. – Сперва накачай туда масло.

Прыщ быстро ушел в гараж и вернулся со шприцем, таща за собой воздушный шланг. Он повернул кран, и воздух с шипением вошел в шприц со смазкой. Шприц попукивал, нагоняя в картер смазку, пока она не полезла наружу. Прыщ ввернул пробку.

Хуан сказал:

– Кит, вытри руки и погляди, как там у Алисы кофе, ладно?

Прыщ пошел к закуской. Перед дверью, под большим дубом было еще почти темно. Он постоял там, задержав дыхание. Его трясло как в ознобе.

Глава III

Когда макушка солнца высунулась из-за восточных гор, Хуан Чикой встал с земли и отряхнул грязь с комбинезона на ногах и на зад. Солнце ударило в окна закусочной и теплом разлилось по зеленой траве вокруг гаража. Загорелось на маках, на плоских пашнях и на синих люпиновых островах.

Хуан подошел к двери автобуса. Он всунулся в кабину, повернул ключ зажигания и ладонью надавил на стартер. Стартер повыл сердито, потом мотор схватил, взревел, и Хуан сбавил газ. Он рукой выжал сцепление, включил первую скорость и отпустил сцепление. Колеса медленно вращались в воздухе, и Хуан пошел назад – послушать, как работает задний мост, не шумит ли новая пара шестерен.

В гараже Прыщ мыл руки в мелком тазике с бензином. Солнце пригрело бурый прошлогодний лист, залетевший в угол дверной коробки. Вскоре из-под листа медленно выползла сонная муха и замерла на ярком солнце. Ее крылья мутно переливались, и она была вялая от ночного холода. Муха потеряла крылья ногами, потом потеряла ногу об ногу, потом потеряла голову передними ногами, между тем как солнце, косо бившее из-под громадных пушистых облаков, разогревало ее организм. Вдруг она снялась, дважды описала круг, вылетела под дубы, врезалась в сетчатую дверь закусочной, упала на спину и зажужжала на земле, пытаясь перевернуться. Потом все-таки встала, взлетела и заняла позицию на притолоке.

Алиса Чикой, осунувшаяся после ночи в кресле, подошла к двери и посмотрела на автобус. Сетчатая дверь приоткрылась всего на несколько сантиметров, но муха юркнула в щель. Алиса заметила ее вторжение и тут же шваркнула по ней посудным полотенцем. Муха зажужжала очумело, а потом уселась под краем стойки. Алиса посмотрела, как крутятся на весу задние колеса автобуса, потом ушла за стойку и открыла паровой кран кофейницы.

Коричневая жидкость в водомерном стекле на боку кофейницы выглядела бледной, разбавленной. Алиса прошла полотенцем по стойке и при этом заметила, что в большом белом кокосовом пироге под прозрачным колпаком неровно вырезан с краю клин. Она взяла с серебряного подноса нож, сняла колпак, подровняла торт, а крошки съела. И в тот самый миг, когда колпак опускался на место, муха ворвалась под него и накинулась на кокосовый крем. Она села под маленьким выступом, так что сверху ее не было видно, и стала жадно рыться и возиться в сладком креме. Она овладела огромной торговой горой и была очень счастлива.

Вошел пропахший бензином и маслом Прыщ и уселся на круглый табурет.

– Ну, мы все сделали, – сказал он.

– Ты и кто еще? – саркастически спросила Алиса.

– Нет, конечно, всю тонкую работу делал мистер Чикой. Мне бы чашку кофе и пирога.

– Ты уже там поклевал, пока я спала. – Она отронила волосы от глаз. – Следов не заметишь.

– Ну, запишите на меня, – сказал Прыщ. – Я же плачу за питание – нет?

– Ну чего ты ешь столько сладкого? – сказала Алиса. – Круглый день толчешься у подноса. У тебя и жалованья-то не остается. Все уходит на сласти. Оттого и прыщи, ей-богу. Удержаться, что ли, не можешь?

Прыщ застенчиво поглядел на свои руки. Под ногтями, где не взял бензин, было черно.

– Там калорий много, – сказал он. – Кто работает, ему калории нужны. Скажем, примерно в три часа дня, когда у тебя упадок. Нужно что-нибудь питательное, чтобы побольше калорий.

– Чтобы штаны оттягивали, – заметила Алиса. – Тебе калории нужны, как мне... – И она покинула фразу на половине. Алиса была большая ругательница, но главных слов никогда не произносила – только подводила к ним. Она налила из крантика кофе в чашку, толстую плоскодонную чашку без блюдца, плеснула молока и двинула ее через стойку.

Смутно глядя на соблазнительную девушку от кока-колы, висевшую над проигрывателем, Прыщ насыпал четыре ложки сахара и мешал, мешал его, держа ложку торчком.

– Мне бы пирога, – терпеливо повторил он.

– Да на здоровье. Отрасти себе сиденье, как аэростат.

Прыщ взглянул на ладный Алисин зад и быстро отвел глаза. Алиса достала из-за стойки нож и вырезала клин из кокосового пирога. Горка крема оползла и завалила муху. Алиса сдвинула кусок на блюде и толкнула через стойку. Прыщ напал на него с кофейной ложкой.

– Эти люди еще не встали? – спросил он.

– Нет, но зашебуршились. Кто-то из них извел всю горячую воду. На закусочную ни капли не осталось.

– Это, наверно, Милдред, – предположил Прыщ.

– А?

– Девушка. Наверно, в ванне купалась.

Алиса посмотрела на него в упор:

– Занимайся своими калориями да фантазию свою не особенно распускай.

– А что я такого сказал? Э, тут муха в пироге.

Алиса оцепенела.

– Вчера у тебя в супе была муха. Ты их что, в кармане носишь?

– Нет, правда. Еще трепыхается.

Алиса подошла.

– Убей ее! – закричала она. – Раздави! Выпустить хочешь? – Она схватила за стойкой вилку и раздавила муху вместе с крошками, а потом скинула все в урну.

– А мой пирог? – спросил Прыщ.

– Получишь другой кусок. Не понимаю, почему у тебя всегда мухи. Больше ни у кого.

– Везет, наверно, – вполголоса сказал Прыщ.

– Что?

– Я сказал просто...

– Я слышала, что ты сказал. – Она не выпалась и была раздражена. – Будешь язык распускать – вылетишь отсюда пулей. Будь ты механик-размеханик. По мне, ты просто сопляк. Прыщавый сопляк.

Прыщ сник. Чем больше она распалялась, тем ниже он опускал голову. Он не знал, что сейчас она вымещает на нем самые разные неудовольствия.

– Чего я такого сказал? – оправдывался он. – Пошутить уже нельзя.

Алиса достигла того накала, когда оставалось либо впасть в безудержную истерическую ярость, от которой темнело в глазах и у нее самой, и у всех окружающих, либо поскорее уняться, потому что она уже чувствовала, как у нее распирает горло и грудь. Алиса быстро оценила положение. Оно было напряженным. Автобус должен выехать. Хуан тоже не выпался. Люди, ночевавшие в их постелях, услышат крик и выйдут, и Хуан может ее ударить. Один раз он ударил. Не сильно, но точно и так резко, что она испугалась, не убил ли он ее. А потом, этот черный страх, всегда маячивший на краю сознания, – что он ее бросит. Других он бросал. Скольких – она не знала, он никогда не рассказывал, но такой интересный мужчина не мог не бросать женщин. Все это пронеслось в долю секунды. Алиса решила не впадать в ярость. Она придавила то, что поднималось в груди. Рассеянно отрезала от торта чересчур большой кусок, положила на блюде и, пройдя вдоль стойки, поставила перед Прыщом.

– Все нервничают, – сказала она.

Прыщ поднял взгляд от своих ногтей. Теперь он увидел, как въедаются исподволь в ее шею морщинки, как припухли нижние веки. Он увидел, что кожа на руках уже не тугая, как у девушек. Он ее очень пожалел. Как ни обделен был Прыщ красотой, он думал, что единственное, чем стоит обладать в жизни, – это молодость, и кто потерял молодость, тот, можно считать,

умер. Сегодня утром он одержал большую победу и теперь, видя слабость и нерешительность в Алисе, стал добиваться второй.

– Мистер Чикой говорит, что больше не будет звать меня Прыщом, – сказал он.

– Почему не будет?

– Ну, я его попросил. Меня зовут Эдвард. А в школе меня звали Китом, потому что моя фамилия Карсон.

– Хуан зовет тебя Китом?

– Ага.

Алиса плохо понимала, о чем идет речь, а сзади, в спальне, слышалось движение, шаги по голым половицам, иногда – тихий разговор. Сейчас, когда чужие напомнили о себе, Прыщ стал ей ближе – все-таки он был не совсем чужой.

– Ладно, посмотрим, – сказала она.

Свет солнца бил в окна фасада и дверь и пятью яркими пятнами лежал на стене, высвечивая коробки с хлопьями и пирамиды апельсинов за стойкой. Но вот пять ярких квадратов потускнели и потухли. Прогремел гром, и вдруг хлынул ливень. Он застучал по крыше.

Прыщ подошел к двери и выглянул. За пеленой дождя местность исчезла, и на цементной дорожке вскакивали фонтанчики. Мокрый свет отливал сталью. Прыщ увидел, что Хуан спрятался в автобусе. Задние колеса все еще медленно крутились. Потом Хуан спрыгнул на землю и бросился к закусочной. Прыщ распахнул перед ним дверь, и он влетел в комнату: даже от короткой перебежки комбинезон намок, а туфли хлюпали.

– Господи Боже, – сказал он, – вот это ливень!

Серая стена дождя заслонила холмы, а свет цедила темный, металлический. Головки люпинов поникли под тяжестью влаги. Сбитые лепестки маков лежали на земле, как золотые монеты. И без того промокшая земля уже не впитывала воду, и по уклонам сразу побежали ручейки. Ливень хлестал по крыше закусочной на Мятежном углу.

Хуан Чикой сидел за столиком у окна, пил кофе с хорошей порцией сливок, жевал пончик и глядел на ливень. Вошла Норма и принялась мыть тарелки в стальной раковине за стойкой.

– Можешь дать мне еще чашку кофе? – попросил Хуан.

Она сонно вынесла чашку из-за стойки. Чашка была полна до краев. Кофе перелился и капал с доньшка. Хуан вытащил бумажную салфетку, сложил и подстелил под мокрую чашку.

– Не выпалась, а? – сказал он.

Норма осунулась, платье на ней было измято. Сейчас было видно, что она делается старообразной еще задолго до старости. Кожа у нее была землистая, а руки в пятнах. Крапивница начиналась у нее от самых разных причин.

– Совсем не спала, – сказала она. – Попробовала на полу и все равно не могла уснуть.

– Ладно, постаремся, чтоб это больше не повторилось, – сказал Хуан. – Надо мне было достать машину и отправить их в Сан-Исидро.

– Уступил им наши постели! – с насмешкой сказала Алиса. – Это же надо придумать! Да где еще хозяева отдали бы свои постели? Им-то сегодня не работать. Могли бы и посидеть ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.